

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы**

Hans Becker

**DEVIL ON MY
SHOULDER**

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы**

Ханс Беккер

**НА ВОЙНЕ
И В ПЛЕНУ**

ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА

1937—1950

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(430)086
ББК 63.3(0)62
Б42

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Беккер Ханс
Б42 На войне и в плену. Воспоминания немецкого
солдата. 1937—1950 / Пер. с англ. А.А. Андреева. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. — 255 с. — (За линией
фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-519-73182-9

В своих воспоминаниях Ханс Беккер, унтер-офицер германской армии, в которую он вступил в 1937 г., описывает путь, пройденный им по дорогам Второй мировой войны, и годы, проведенные в советских лагерях в качестве военнопленного. Простым и безыскусным языком солдата Беккер рассказывает о жестоких танковых боях под Тернополем, Дубно, Курском, о том, как выходил из окружения и попал в плен, бежал и снова был пойман, о годах тяжелых испытаний в неволе. Отбывая срок в Сибири, он с горькой иронией вспоминает, как презирал заключенных немецкого концлагеря, уверенный в том, что на их месте предпочел бы смерть унижительному существованию, не подозревая, что скоро сам в таких же обстоятельствах будет отчаянно бороться за выживание.

УДК 94(430)086
ББК 63.3(0)62

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2012
© Художественное
оформление серии, ЗАО
«Центрполиграф», 2012

ISBN 978-5-519-73182-9

Глава 1

МАЛЛА

Это — рассказ о смерти и о границах человеческого существования. Те, кому не пришлось пройти через все это, как это случилось со мной, могут прочитать его и возблагодарить судьбу. Те же, кто в свое время разделил мою участь, почти все мертвы, и немногим из нас удалось выжить и вернуться из Сибири в цивилизованное общество.

Я пишу эту книгу в память о казашке Малле, в память о том, как мы любили друг друга. Она была пухленькая, со смуглой кожей, с черными волосами и глубокими таинственными глазами. Эта девушка обладала дикой жадной жизни, и даже мысль о ней в бескрайних просторах за Уральскими горами со всеми ужасами происходившего там была для меня как глоток воды в пустыне.

Итак, как мы встретились. Было лето, один из тех теплых безоблачных дней, о которых мы, заключенные, мечтали всю зиму. Я решил спокойно, наслаждаясь одиночеством, искупаться в протекающем поблизости канале. С любезного позволения охранника я покинул зону, огороженную колючей проволокой территорию исправительно-трудового лагеря. В некоторые дни нам официально разрешалось в определенное время выходить за пределы зоны, но сейчас был не тот случай. Я пообещал вернуться до наступления темноты. Охранники, которые зачастую сами были бывшими заключенными, прекрасно сознавали, что у меня не было никаких шансов совершить побег: тысячи

километров безлюдной территории Сибири охраняли заключенных гораздо эффективнее, чем ограждение из колючей проволоки.

Канал, к которому я направлялся, был частью ирригационной системы, питающей водой близлежащие поля, на долю которых в летние месяцы приходилось всего четыре или пять дождей. Это вовсе не был живописный журчащий ручеек из романтических историй, и деревья, возвышавшиеся по обоим берегам, очень походили на всех нас, обитателей лагеря. Они стояли, будто бы раздумывая о том, стоило ли им вообще появляться на этом свете. Я шагал вдоль берега, что-то напевая и выискивая, где бы мне поплавать, когда вдруг увидел перед собой женский силуэт. К каналу с двумя ведрами в руках спускалась девушка. По длинной цветастой одежде я легко опознал в ней казашку.

В поселке Алматинка казахи являются коренным населением. Некоторые девушки и женщины очень хороши собой. Они живут в убогих избушках или в небольших округлых юртах, обеспечивая себе существование разведением на степных пастбищах овец и лошадей. Некоторые, не особо удачливые в ремесле скотовода, подаются на работу в шахты, где добывают уголь в основном русские. Казахи не очень любят советскую власть, ведь прежде, до того, как их завоевали русские, они были свободны и могли кочевать там, где им нравилось, не подчиняясь ничьим законам и не выплачивая налогов. (Казахов русские не завоевывали. Перед лицом уничтожения со стороны Джунгарского ханства в 1731 г. Младший жуз, а в 1740-м Средний жуз приняли российское подданство. Поэтому, когда в 1741-м джунгары вторглись, уничтожая все на своем пути, в пределы вышеупомянутых жузов, их встретили русские военные посты, и джунгары были вынуждены повернуть назад. А в 1756—1758 гг. Джунгарское ханство было захвачено маньчжурским Китаем, и казахи снова оценили преимущества российского подданства, когда китайцы поголовно вырезали джунгар (тогда же в российское подданство срочно (и добровольно) обратились и алтайцы). В 1846 г. в российское подданство добровольно обратился Старший жуз (Семиречье), до этого находившийся под властью Кокандского ханства. В 1854 г.

здесь было построено укрепление Верное (позже город Верный, ныне Алма-Ата). Естественно, что присоединение казахских земель к империи влекло за собой значительные изменения в жизни. Было ликвидировано рабство, постепенно упразднена власть ханов, заработала русская администрация областей, на которые было разбито Туркестанское генерал-губернаторство. Некоторые казахские земли, пригодные для земледелия, заселялись русскими переселенцами. Но в целом присоединение к России было для казахов (кроме потерявших власть и привилегии ханов) положительным процессом, сохранившим их как народ и приобщившим к достижениям цивилизации. — *Ред.*) Дети казахов никогда не ходили в школу, и лишь примерно двое или трое из сотни умели читать и писать.

Забыв о своем намерении побыть в одиночестве, я поспешил к девушке. Когда она обернулась, я увидел, что ей примерно восемнадцать лет и она невероятно мила. В казахских девушках есть какая-то дикая красота, которую европейцы находят очень привлекательной. Малла сразу же сумела вызвать во мне те чувства, каких никто больше и никогда не вызывал. Я обратился к ней сначала на русском, а потом на немецком, но она говорила только на своем языке и не понимала меня.

Но в делах любви слова — это совсем не главное. Мы общались знаками и постепенно стали понимать друг друга. Она жестами объяснила мне, что хочет искупаться и что я тоже могу искупаться вместе с нею.

— Снимай одежду. — Она подкрепила слова жестом, и мы оба засмеялись.

— А ты? — не остался я в долгу, правда постаравшись, чтобы мои жесты были достаточно скромными.

— Снимай и это тоже, — смеясь, показывала она, видя мои колебания.

Я повернулся к ней спиной, снял с себя пиджак, рубашку, брезентовые туфли (которые сшил сам из куска брезента от палатки) и штаны, оставшись в самодельных плавках, изготовленных по той же технологии, что и туфли. Я снова обернулся к девушке и обнаружил, что она по-прежнему стоит все еще в своей длинной хламиде и все так же смеет-

ся. Обуви на девушке не было, и я просигналил ей, чтобы она снимала верхнюю одежду и шла купаться в том, что было под ней.

Девушка подошла ко мне и пристально посмотрела прямо в глаза. В ответ я быстро обнял ее, но, неожиданно выскользнув из моих объятий, она сбросила одежду. Под верхней одеждой у нее не было ничего, кроме короткой красной рубашки, закрывавшей снизу не больше, чем мои импровизированные плавки. Я был хорошим солдатом, но в данном случае колебался, раздумывая, следует ли мне идти в атаку или, наоборот, будет лучше отступить. Моя нерешительность понравилась девушке. Подавшись вперед, она слегка укусила меня за кончик носа, потом оттолкнула меня и прыгнула в воду. Я последовал за ней. Мы плавали, громко плескаясь и дурачась, но, поскольку глубина там была не более метра, а тело Маллы выглядело очень соблазнительно, я в смущении отводил взгляд.

Искупавшись, мы лежали на берегу под ветвистыми деревьями и загорали на солнце. Когда мне пришло время возвращаться в лагерь, мы договорились встретиться в четыре часа на следующий день. Часть дороги назад я помогал ей нести ведра с водой. Вместе с поцелуем на прощание я подарил девушке колечко, которое сделал из русской монеты и которое носил на пальце.

Во время смены на шахте с десяти утра до шести вечера я не мог думать ни о чем, кроме своей новой подруги, о предстоящей новой встрече с ней. Работа давалась мне вдвое легче, чем обычно, и вместо того, чтобы, как всегда, подняться после той ночной смены наверх вместе с последними, я неожиданно для себя оказался среди первых. Мои товарищи заметили, что со мной происходит что-то необычное. Начались расспросы, и вскоре мой секрет стал всем известен.

— А ты не боишься? — спросил меня один из знакомых.

— О чем ты? — недоуменно спросил я, хотя на самом деле очень хорошо понимал, что он имел в виду.

Все засмеялись. В лагере ходили слухи о том, что, если кто-то смел вступить в связь с девушкой-казашкой, это

значило для него реальную перспективу лишиться головы, которую отрежет ее отец. Казахи были гордым народом с жестокими обычаями, которые они неукоснительно соблюдали. И среди этих обычаев была месть за бесчестье.

Пока мы смывали с тел угольную пыль, мне жестами показывали, что могло случиться со мной, но я был слишком счастлив, чтобы все это меня хоть немного беспокоило. С трудом дождавшись второй половины дня, я снова миновал охранника у забора и отправился к месту назначенной встречи.

Малла была уже там и ждала меня. Вместе мы долго прогуливались через заросли кустов вдоль берега канала к пруду, посередине которого находился маленький островок. Мы шли по воде, не обращая внимания на то, что происходит в это время в мире. Казалось, вокруг нас таинственный мир, а в самом центре его, полностью изолированный от всех, лежал наш остров счастья. Мы были так счастливы, что не замечали, как все быстрее бежит время. Вдруг стало совсем темно.

— Давай пойдём ко мне домой, — попросила Малла на нашем языке жестов.

Хорошо зная, что меня могло там ждать, я ясно дал ей понять, что не хочу этого.

— Казахи не признают смешанных браков, — просигналил я, стараясь, чтобы она меня поняла.

— Я хочу, чтобы ты вместе со мной пришел в наш дом и познакомился с моими родителями, — несколько раз показала она мне руками.

В ответ я несколько раз резко рубанул рукой в районе горла, показывая девушке, чего я боюсь.

— Мама и отец не сделают тебе ничего плохого, — ответила она. — Вчера я рассказала им о нашей встрече, и они хотели бы познакомиться с тобой.

Я снова задумался над ее предложением и решил, что, пожалуй, риск того, что мне отрежут голову, вряд ли был серьезной угрозой по сравнению с тем, что мне пришлось пережить в прошлом. Малла была очень рада, что я согласился с ней, и я чувствовал, что она не позволит отцу сделать мне ничего плохого, даже если он очень захочет.

Она вела меня к себе домой за руку, будто хотела продемонстрировать в своей семье очередную игрушку. Девушка крепко сжимала мою ладонь, наверное, на случай, если я передумаю и попробую бежать. Ее маленькая ладошка уютно устроилась в моей. Родители девушки встретили меня в странной восточной манере; скрестив руки на груди, они кланялись мне в пояс. Я неуклюже попытался ответить на поклон, но, поняв всю нелепость этого, застыл где-то на середине попытки. Про себя я решил отрепетировать жест на досуге, чтобы к следующему разу отработать это приветствие, а пока ограничиться рукопожатиями.

Внутри домика, где жила семья Маллы, все для меня было новым. Стол возвышался над полом не больше чем сантиметров на тридцать, стульев не было совсем. У открытого огня располагалась деревянная скамья, на которую мне было предложено присесть. Все остальные сели прямо на расстеленный на полу толстый ковер.

В отличие от остальных родственников Маллы ее отец говорил на русском языке, и, поскольку за годы неволи я научился бегло говорить по-русски, мы могли с ним свободно общаться. Он рассказал мне о том, где и как он жил последние пятьдесят лет. В прежние времена Казахстан был так редко населен, что домик или юрта могла располагаться на расстоянии полутора сотен километров до ближайших соседей. Каждая семья считала, что земля до самого горизонта, насколько видел глаз, всецело принадлежит только ей одной. Любой посторонний, попавший на эту территорию, считался нарушителем границы чужой территории со всеми вытекающими последствиями. Семья владела примерно пятьюстами — тысячью овец, дюжиной или больше лошадей, держала кур и иногда одну-две коровы. Все это было во времена, пока казахи не попали под власть русских с их законами. (Выше уже говорилось, что казахи «попали под власть русских с их законами» значительно раньше. — *Ред.*) Теперь же, как заключил старый казах, они были бы рады любому новому завоевателю, ведь ничто не может быть хуже, чем советская власть. (Возможно, этому и другим местным казахам досталось во время голода в начале 1930-х гг., организованного здесь «пламенным револю-